

Степанов Андрей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.d.stepanov@spbu.ru

Типология непонимания текста и задачи комментирования*

Для цитирования: Степанов А. Д. Типология непонимания текста и задачи комментирования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (4): 710–719. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.404>

В статье рассматриваются проблемы, которые решает современная теория комментирования, — в частности, проблема границ между интерпретацией и собственно комментарием. Автор полагает, что комментарий должен избегать привнесения в текст дополнительных необязательных для понимания смыслов, которые превращают его в *поэтическое истолкование* текста-объекта. Научную основательность комментария могут придать, во-первых, предложенная А. П. Чудаковым идея *тотального комментария*, а во-вторых, классификация комментариев в зависимости от видов непонимания художественного текста, разработанная в свое время Ю. И. Левиным. Комментарий диалогичен, в нем заключены ответные реплики на возможные вопросы о значении того или иного элемента текста, и осознание степени и характера своего или чужого ошибочного понимания позволяет по-новому сформулировать задачи комментирования. Развивая систему Левина, автор статьи обращает внимание на два вида непонимания, которым соответствуют определенные формы комментирования. Во-первых, это омонимическое непонимание — особого рода фактические ошибки, возникающие при перенесении слова или реалии в иной (современный) контекст. Пример устранения такого рода ошибки прочтения рассказа Чехова *Толстый и тонкий* с помощью *тотального комментария* позволяет предложить новеллистическую трактовку жанровой природы этого рассказа, поскольку ее основное событие оказывается невероятным происшествием, возможным только при прямом вмешательстве верховной власти. Во-вторых, отдельным видом непонимания можно считать смысловой эллипсис: пропуск некоей реалии или ее нарочито небрежное упоминание как неважной, хотя восстановление такого пробела может изменить восприятие текста. На примерах рассказов Чехова *Беда* и *Студент* демонстрируется, насколько полезно может быть внимание к кажущимся совсем незначительными и даже *лишними* подробностям.

Ключевые слова: теория комментирования, типология непонимания художественного текста, идея *тотального комментария*, проза А. П. Чехова.

Теория комментирования — достаточно развитая филологическая область, лежащая на границах нескольких основных и вспомогательных историко-филологических дисциплин. Среди вопросов, которые остаются открытыми и продолжают обсуждаться исследователями, ключевой является проблема границ комментария

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, СПбГУ.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

и отличий комментирования от других видов филологической деятельности — интерпретации/анализа/эксplikации текста, «пристального чтения», «насыщенного описания», интертекстуального анализа, перевода [Зенкин 2004; Гаспаров 2004]. На наш взгляд, главное отличие комментария от интерпретации заключается в том, что комментарий исключает вчитывание — привнесение в метатекст дополнительных, необязательных для понимания смыслов, которые превращают его в «поэтическое истолкование» текста-объекта. При такой установке интертекстуальный комментарий лучше всего ограничить эксplikацией цитат, которые могут быть верифицированы авторским указанием на источник и/или «строгими» критериями значимой семантической связи¹. За интерпретацией остается смутная область интертекстуальности как поля возможных скрытых неточных цитат и реминисценций. Таким образом, в нашем понимании комментарий — безусловное, верифицируемое, подчиненное принципу историзма разъяснение текста.

Немаловажным остается и вопрос о границах научного и популярного комментария. Отвечая на него, современные теоретики комментирования отходят от «пуристической» точки зрения, согласно которой научный комментарий предназначен только для специалистов, не должен включать легко добываемые сведения и не выполняет просветительской функции. Более актуальной представляется предложенная А. П. Чудаковым идея «тотального комментария»: комментатор в процессе «медленного невыборочного чтения-анализа» следует от объяснения «реалий и их иерархии» к «рассмотрению словесного плана» произведения, включая «структурное взаимодействие словесных единиц», и скрупулезно фиксирует то, «как рождаются и накапливаются... художественно-философские и речевые смыслы» в их целостности и взаимосвязи [Чудаков 2005: 211–212]. Эта практика, сочетающая научные задачи с просветительскими, близкая к тому, что в англо-американской традиции называется пристальным чтением, а во французской — эксplikацией текста², достаточно редко применялась к прозе вообще и к Чехову, творчеством которого всю жизнь занимался Чудаков, в частности.

Другой важной работой, позволяющей логически дополнить и развить идеи Чудакова, является, на наш взгляд, написанная в духе тартуской семиотики программная статья Ю. И. Левина «О типологии непонимания текста» [Левин 1998]. Комментарий — одно из важных средств понимания художественного текста, и поэтому при комментировании полезно представлять себе общую типологию возможных случаев непонимания. В сущности, комментарий диалогичен: в нем заключена ответная реплика на возможный вопрос о значении того или иного элемента текста. Эти элементы могут быть большими и малыми, и их можно определенным образом упорядочить в рамках единой классификации.

Именно так ставил вопрос Левин: его система охватывает все возможные виды непонимания, глобального и локального, и, соответственно, позволяет реципиенту текста осознавать степень и характер своего или чужого ошибочного понимания. Глобальное непонимание может возникать на уровне композиции — хронотопа, образов героев, мотивов и связей между ними, сюжета и системы персонажей в це-

¹ См. о предложенных нами критериях такой связи в серии работ [Степанов 2017а; 2017б; 2019; 2021]. См. на эту тему также: [Степанова 2022].

² Ср. различие между «эксplikацией» и «анализом» текста во французской традиции: [Зенкин 2004: 75].

лом³. Локальное смысловое непонимание связано с отдельными словами или фразеологизмами и их сочетаниями: это незнание слова; неправильное отождествление синтаксической конструкции; непонимание переносного значения слов и предикации; неспособность соотнести понятное слово с известной реалией; неспособность «ухватить» в деталях или «охватить» в целом сложный референт (в том числе описание последовательности действий); непонимание коммуникативного задания (например, иронии или остроты) и, наконец, незнание референта. Если глобальное непонимание устраняется интерпретацией или «концепционным» комментарием [Гаспаров 2004: 70–71], то в локальном решающую роль играет экспликация текста, и в ней — «текстуальный» лингвоисторический комментарий⁴.

При выстраивании типологии непонимания важно и другое деление — на поэтические и прозаические и — условно — на сложные и простые тексты. Система Левина описывает прежде всего непонимание сложного (модернистского) поэтического текста. Для решения задачи, которой мы займемся далее, — комментирования реалистического произведения XIX в. — многие ее аспекты избыточны. Так, в случае Чехова «поэтические» аспекты непонимания, относящиеся к сложному синтаксису, оказываются менее релевантны, хотя не могут быть исключены полностью. Непонимание, как правило, остается локальным и касается прежде всего лексики (историзмов, архаизмов и тропов), а также раскрытия отдельных предметных и понятийных реалий, то есть аспектов лингво-исторического комментария. Если переводить терминологию на язык школьной типологии ошибок, то речь пойдет не о грамматических или логических, а по преимуществу о речевых и фактических «ошибках» реципиента.

Однако в рамках такого комментария есть особые случаи, не получившие полного развития в теории Левина. В данной статье мы рассмотрим два из них.

Первым является ошибочное понимание, которое заключается в том, что реципиент подставляет вместо одного (нужного) слова похожее другое. Назовем это **омонимическим непониманием**.

Механизм омонимического непонимания в общих чертах описан Е. Ю. Михайлик (впрочем, без использования этого термина) на примере Булгакова: такое происходит, когда

использованная художником примета времени утрачивает в рамках культуры связь с произведением и интерпретационную ценность — и вытесняется иным, смежным явлением, чей масштаб (естественно, в восприятии комментаторов) соответствует заданному автором. При этом случайные, персональные или эндемические значения заменяются на родовые и видовые, «закономерные» для эпохи [Михайлик 2004: 96]⁵.

³ Ср. пример такого полного непонимания в рассказе Чехова «Чтение»: либеральный начальник департамента в целях просвещения своих малообразованных подчиненных приказывает им прочесть «Графа Монте-Кристо». Старый чиновник Мердяев, исполняя приказ, жалуется: «Четыре раза уж начинал... ничего не разберу... Какие-то иностранцы...» [Чехов 1974–1983, т. 2: 361].

⁴ Традиционное разделение видов комментария на текстологический, историко-литературный, языковой и реальный [Лихачев 1964: 95] все чаще подвергается переосмыслению, и некоторые ученые предлагают объединить два последних под названием лингво-исторического комментария [Лисина 2006: 10].

⁵ Ср. более широкое (семиотическое, внеисторическое) положение Левина: «Отображение в элемент того же типа, что отображаемый элемент, но “не тот” — неправильное понимание» [Левин 1998: 581].

В сущности, механизм такого рода непонимания (и соответствующие комментарии) представлен в гиперболизированном виде в антиутопии Т.Н. Толстой «Кысь», где жители неолитического общества будущего не понимают реалий жизни до Взрыва:

- Что такое «конь», вы не знаете? <...> — Должно быть, это мышь;
- «Я сидел у окна в переполненном зале, где-то пели смычки о любви...» Как вы думаете: смычки — это что? — Какие-нибудь девчонки бедовые? [Толстая 2015: 46, 48] и т. п.

Речь идет о фактических ошибках особого рода — таких, которые возникают при перенесении слова или реалии в иной (современный) контекст. Другими словами, это различные виды неисторических прочтений классического текста, опирающиеся на неправильное (но чем-то оправданное) понимание отдельных слов и реалий. Такие неисторические прочтения широко распространены при восприятии любой литературы прошлого, но они особенно характерны для рецепции текстов, создающих обманчивое впечатление простоты. Именно таковы чеховские рассказы, читатели которых зачастую переоценивают уровень своего понимания.

Приведем пример из педагогической практики. На вопрос, что означает «тайный советник» в рассказе Чехова «Толстый и тонкий», студент отвечает: «Полицейский чин». Логика этого ответа понятна: фоновые знания об «эпохе реакции» и «полицейском государстве Александра III» подталкивают к следующему толкованию центральной сцены: метаморфоза Тонкого вызвана страхом перед полицией в условиях, когда для ареста и ссылки было достаточно подозрения в неблагонадежности. Непонимание, представляющее собой «омонимический комментарий» к тексту («тайный агент» — «тайный советник»), объясняет происходящее, но далеко отстоит от понимания чеховского замысла. Парадокс юморески заключен в том, что Толстый не является прямым начальником Тонкого (этот мотив присутствовал в первом варианте рассказа, но был устранен автором при подготовке собрания сочинений). Таким образом, герою ничего не грозит, не существует не только опасности (по «полицейской» линии), но и какой бы то ни было зависимости (по линии служебной), и в результате на первый план выходит чеховская тема «рабства в крови». При этом рассказ, с одной стороны, вписывается в традицию изображения «маленького человека» (мелкий чиновник и «значительное лицо»), а с другой — радикально переосмысляет ее гуманистические аспекты: «значительное лицо» ведет себя гораздо достойнее, чем «маленький человек» — прирожденный раб, не заслуживающий сочувствия.

Разумеется, комментарий, ликвидирующий непонимание, не должен сводиться к разъяснению, что тайный советник — это гражданский чин III класса, соответствующий армейскому генерал-лейтенанту. Более того, как мы увидим далее, при «тотальном комментарии» акценты предложенной нами выше интерпретации существенно смещаются. В данном случае нужен контекст, поясняющий понятные чеховскому современнику, но скрытые от нынешнего читателя обстоятельства системы образования и государственной службы. Вопреки напрашивающемуся прочтению рассказа в духе «Шинели» и «Бедных людей», с помощью комментария можно доказать, что Тонкий вовсе не «маленький человек», не «приспособление для письма», не неудачник, а достаточно успешный чиновник.

Несмотря на предельную краткость рассказа, жизненный путь персонажа может быть восстановлен достаточно полно, хотя эта реконструкция и допускает несколько вариантов. Попробуем это сделать.

Прозвища Эфиальт и Герострат, разумеется, комментируются как в научных, так и в популярных изданиях. Однако нигде не находится места разъяснению коннотаций этих школьных прозвищ. А между тем чеховскому современнику они говорили о том, что оба героя учились в классической гимназии — единственном учебном заведении, где изучались древние языки и античная история (подобные прозвища в реальной гимназии не имели бы никакого «основания» в учебном курсе). После реформы Д. А. Толстого 1871 г. только классическая гимназия давала право поступления в университет, причем окончание гимназии гарантировало поступление «по заявлению», без экзаменов. Окончание университета, в свою очередь, открывало путь к чиновничьей карьере: если окончивший гимназию мог поступить на службу младшим чином, коллежским регистратором (XIV класс), то выпускник университета, в зависимости от получения диплома 2-й или 1-й степени, уже губернским секретарем (XII класс) или коллежским секретарем (X класс) [Бугаева 1998: 89]. Таким образом, очень вероятно, что Тонкий поступил на службу в одном из этих чинов. Дальше должна была последовать обычная служебная карьера: для производства в чины законом 1856 г. устанавливались определенные сроки: «из XIV в XII, из XII в X, из X в IX и из IX в VIII — 3 года» [Зайончковский 1978: 39]. Таким образом, в случае окончания только гимназии Тонкий мог выслужить свой чин коллежского асессора в общепринятом порядке не менее чем за 12 лет, а в случае окончания университета с отличием — не менее чем за 6 лет. Учитывая другие данные (сын — гимназист III класса, то есть не младше 11 лет; орден Святого Станислава III степени), можно описать наиболее вероятный вариант его карьеры следующим образом. Примерно в 18 лет наш герой окончил гимназию, в 22 года — университет, поступил на службу и женился (студентам жениться воспрещалось), через год родился его сын; Тонкий прослужил не менее 12 лет в столичном департаменте, в 34 года получил чин коллежского асессора, а еще через год, в 35 лет («Коллежским асессором уже второй год...»), переведен в провинцию на должность столоначальника, то есть начальника отдела («стола»); эту должность занимал, как правило, чиновник более высокого — VII класса (надворный советник). Это обычная — и притом достаточно успешная — карьера, которая отличается от тысяч других разве что женитьбой на лютеранке (которая не обязана была переходить в православие)⁶.

А вот служебный взлет его ровесника совершенно необычен: сроки производства из VIII в VII, из VII в VI и из VI в V класс составляли 4 года — то есть еще 12 лет. Даже если Толстый поступил на службу после получения диплома 1-й степени университета X классом, то до статского советника он мог обычным порядком дослужиться только за 18 лет — к 40 годам. Наконец, для производства в чины IV и III классов никакого срока выслуги не устанавливалось: как было определено в Уставах о службе гражданской, «пожалование в оное во уважение отличных

⁶ Стремление человека показать, что он «не такой, как все», у Чехова обычно только подчеркивает его заурядность, ср.: «И, желая на первых же порах показать, что он не такой мужик, как все, а получше, Константин поспешил добавить: — Мы пасаку держим и свиной кормим» [Чехов 1974–1983, т. 7: 75].

заслуг и ревностной службы зависит единственно от высочайшего соизволения» [Зайончковский 1978: 36]. Таким образом, для прохождения всей лестницы «обычным» порядком Толстому понадобилось бы около 20 лет — и то при условии, что царь произвел бы его прямо из статских в тайные советники без выслуги лет и минуя первый генеральский чин⁷.

Этот комментарий объясняет потрясение Тонкого: он стал свидетелем совершенно невозможного, фантастического служебного взлета, своего рода чудесного «сжатия времени». Совершиться это чудо могло только при одном условии — благодаря «высочайшему соизволению», прямому вмешательству царя. Поэтому метаморфоза, происходящая с Тонким, не просто знак раболепия перед вышедшим в вельможи школьным товарищем, а преклонение и «благоговение» [Чехов 1974–1983, т. 2: 251] перед самодержавной властью, с которой неожиданно соприкоснулся рядовой чиновник.

Таким образом, в основе чеховской юморески лежит то, что Гёте называл «свершившимся неслыханным событием» [Эккерман 1986: 211], а по своей жанровой природе она, несомненно, является новеллой, подчиненной принципам «одного исключительного события и резкого поворота перед развязкой» [Мелетинский 1990: 228]. Помочь понять исключительность этого события может только «тотальный комментарий».

Еще одним видом непонимания является случай, когда реципиент не замечает некий значимый пропуск в тексте — **смысловый эллипсис**, как называет сходную конструкцию Левин⁸. Автор пропускает или вскользь, мимоходом упоминает некую реалию, оставляя смысловой пробел, восстановление которого способно значительно изменить наше понимание рассказа. Поясним это на примере.

Герой рассказа Чехова «Беда» (1887) — богатый купец Авдеев, который числился членом ревизионной комиссии банка и не глядя подписывал ее отчеты. После обнаружения крупной растраты в банке он осужден. Оправдания купца («Носили мне в лавку отчеты, я и подписывал. Нешто я понимаю?», «Не время мне разбирать, да и не вижу без очков», «Да гляди я в эти отчеты хоть тысячу лет, я ничего не пой-

⁷ Хотя бы отчасти оправдать такое допущение можно, только предположив, что Толстый — родовитый аристократ с хорошими связями в высших сферах. Однако именно в период александровских реформ преимущества, дававшиеся дворянам (как и ускоренные сроки производства в следующий чин имевшим высшее образование), были отменены [Зайончковский 1978: 38]. Кроме того, обращение Тонкого с одноклассником в начале рассказа говорит о том, что непреодолимой социальной пропасти между ними никогда не было. Другим объяснением может служить то, что «при производстве... “за отличие” указанные сроки сокращались на один год» [Зайончковский 1978: 39], то есть Толстый после университета, непрерывно «отличаясь», прошел путь от коллежского секретаря до статского советника за 13 лет, что, наверное, было возможно; ср. вопрос Тонкого: «Небось, уже статский?» [Чехов 1974–1983, т. 2: 251] — это указание на «потолок», на самый успешный из всех возможных карьерных путей ровесника. Однако и в этом варианте дальнейший взлет оказывается фантастическим и не мог быть осуществлен без прямой воли царя. Только прямым указом царя могли быть пожалованы и «две звезды», которые имеет Толстый [Чехов 1974–1983, т. 2: 251]. Форму звезды имели только высшие степени орденов (Святого Станислава и Святой Анны 1-й степени, Святого Владимира и Святого Георгия 1-й и 2-й степеней), а также высшие ордена, не имевшие степеней (Белого Орла, Святого Александра Невского, Святого Андрея Первозванного).

⁸ «НП4 — предметно-смысловое НП (разрядка Левина. — А. С.) — связано с несоотнесением (понятной) семантики с (известными) реалиями. Оно может возникать в результате «смысловых эллипсисов» текста, когда какой-то **смысловый элемент** по тем или иным причинам (эвфемизм, острота, стилистическая установка, расчет на догадливость читателя) **опущен** как (якобы) **очевидный** (выделено Левиным. — А. С.) [Левин 1998: 583].

му!» [Чехов 1974–1983, т. 6: 400–402]) выглядят наивно, и авторские интенции, как кажется, сводятся к словам одного из персонажей: «Прежде чем подписывать, надо было глядеть...» [Чехов 1974–1983, т. 6: 402], а оценка главного героя — к первому названию рассказа: «Баран». Однако есть скрытая деталь, которая может скорректировать это очевидное прочтение. В рассказе мимоходом упоминается, что Авдеев был церковным старостой. Смысл этого упоминания можно понять, только зная, что главной обязанностью старосты было хранение церковных денег и имущества. «Церковный староста» — это синоним надежности, человек, на которого можно положиться. Таким образом, мы видим, что чеховский купец оставался надежен по отношению к поручениям, которые были ему понятны и за которые он ручался лично, и оказался совершенно ненадежен в чуждых для него условиях, когда он, не понимая происходящего, поступал так же, как все. Ключевое слово «баран» в этом прочтении меняет смысл: вместо семантики «безмозглый, недалекий человек», актуализируется семантика «тот, кто следует за всеми, принимает общепринятое». Таким образом, после устранения смыслового эллипса существенно корректируется смысл рассказа.

В некоторых случаях подобные пропуски восстанавливаются не только обращением к внешнему источнику, но и параллельными местами в чеховских текстах. В начале «Студента» есть знаменитый ономопозитический отрывок: «...по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку» [Чехов 1974–1983, т. 8: 306]. Выполняет ли этот отрывок какую-то функцию, помимо создания «настроения»? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо сравнение с другими аналогичными фрагментами у Чехова. В «Трех сестрах» Маша говорит: «У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе» [Чехов 1974–1983, т. 13: 143]¹⁰. Фольклористы часто указывают на приметку, зафиксированную в словаре Даля с пометкой *западн.* (то есть относящуюся к Западному краю Российской империи): «Гул в трубе — душа покойника пришла» [Даль 1935: 417; Червинский 2010: 203]. У Чехова унылые гудящие звуки, предвещающие беду, встречаются в таких произведениях, как «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «Вишневый сад». Если гудение — к смерти, и об этом знают как герои, так и первые читатели, то деталь из «Студента» «отец лежал на печи и кашлял» [Чехов 1974–1983, т. 8: 306] приобретает зловещий характер, и настроение Ивана Великопольского в начале рассказа объясняется предчувствием смерти. Одновременно эта деталь (как и охота в Великую пятницу), говорит о некоторой шаткости понятий героя: ортодоксальные верования, возможно, совмещаются у студента духовной академии с верой в приметки-предрассудки, по отношению к которым сам Чехов всегда был настроен бескомпромиссно.

Выделенные нами два вида непонимания — омонимическое непонимание и смысловой эллипсис — являются только примерами возможных дополнений и углублений системы, предложенной Ю. И. Левиным. Типология непонимания может расширяться в разных направлениях, детализироваться на макро- и микроуровнях, однако при любых вариантах развития ее практическая ценность будет состоять в том, что такая типология потенциальных ошибок и лакун подскажет возможные пути их устранения и тем самым раскроет для комментаторов новые возможности углубленного понимания текста.

⁹ «Поэтический» анализ этого фрагмента см.: [Шмид 1998: 282].

¹⁰ Заметим, что здесь, как и в «Студенте», повторяются звуки *у*.

Источники

- Чехов 1974–1983 — Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1983.
Толстая 2015 — Толстая Т. Н. *Кысь*. М.: АСТ, 2015.

Словари

- Даль 1935 — Даль В. И. *Толковый словарь*. В 4 т. Т. 1. А–З. М.: Художественная литература, 1935.

Литература

- Бугаева 1998 — Бугаева С. Я. Образование и образовательный ценз в российском праве XIX в. В кн.: *Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв.* Екатеринбург: Волот, 1998. С. 79–94.
Гаспаров 2004 — Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования. *Новое литературное обозрение*. 2004, (2 (66)): 70–74.
Зайончковский 1978 — Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России*. М.: Мысль, 1978.
Зенкин 2004 — Зенкин С. Н. Комментарий и его двойник. *Новое литературное обозрение*. 2004, (2 (66)): 75–81.
Левин 1998 — Левин Ю. И. О типологии непонимания текста. В кн.: Левин Ю. И. *Поэтика. Семиотика*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 581–593.
Лисина 2006 — Лисина Л. А. *Художественный текст как объект лингвоисторического комментария (на материале произведений И. С. Тургенева)*: автореф. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006.
Лихачев 1964 — Лихачев Д. С. *Текстология: краткий очерк*. М.; Л.: Наука, 1964.
Мелетинский 1990 — Мелетинский Е. М. *Историческая поэтика новеллы*. М.: Наука, 1990.
Михайлик 2004 — Михайлик Е. Ю. Перемена адреса. *Новое литературное обозрение*. 2004, (2 (66)): 91–102.
Степанов 2017а — Степанов А. Д. «Спящая красавица» сегодня: к вопросу о границах интертекстуального и мифологического подходов. *Die Welt der Slaven*. 2017, Bd. 62 (2): 304–318.
Степанов 2017б — Степанов А. Д. Проблема «аграмматизма» в поэзии и прозе. В сб.: *Интертекстуальный анализ: принципы и границы*. Сб. науч. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. С. 11–25.
Степанов 2019 — Степанов А. Д. Чехов и Баранцевич: к вопросу о критериях интертекста. *Русская литература*. 2019, (2): 97–103.
Степанов 2021 — Степанов А. Д., А. П. Чехов и живопись: от реализма к (пред)импрессионизму. *Русская литература*. 2021, (1): 200–206.
Степанова 2022 — Степанова А. С. Исследование и комментарий: по материалам публикаций о «Драме на охоте» А. П. Чехова. В кн.: *Мир исследователя: З. С. Паперный, А. П. Чудаков*: м-лы конф., 2019 г. Одесская М. М. (науч. ред.). М.: РГГУ, 2022. С. 222–239.
Червинский 2010 — Червинский П. П. *Фольклор и этимология: Лингвоконцептологические аспекты этносемантики*. Тернополь: Крок, 2010.
Чудаков 2005 — Чудаков А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина». В кн.: *Пушкинский сборник*. [Лоцилов И., Сураг И. (сост.)]. М.: Три квадрата, 2005. С. 210–237.
Шмид 1998 — Шмид В. *Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард*. 2-е изд. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
Эккерман 1986 — Эккерман И. П. *Разговоры с Гёте в последние годы его жизни*. Ман Н. (пер. с нем.). М.: Художественная литература, 1986.

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2022 г.
Статья рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Andrei D. Stepanov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
a.d.stepanov@spbu.ru

Typology of misunderstanding of a realistic text and the tasks of commenting*

For citation: Stepanov A. D. Typology of misunderstanding of a realistic text and the tasks of commenting. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (4): 710–719. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.404> (In Russian)

The article discusses some problems of the modern theory of commenting, in particular, the problem of the boundaries between interpretation and commentary. The author believes that the last should avoid introducing into the metatext additional meanings that are not obligatory for understanding, since such misreadings lead to *poetic interpretation* of the text-object. The scholarly validity of the commentary can be achieved, firstly, by applying the idea of *total commentary* proposed by Alexandre Chudakov, and secondly, by the classification of comments depending on the types of misunderstanding of the literary text, developed by Yuri I. Levin. The commentary is dialogic, it contains replies to possible questions about the meaning of textual elements, and awareness of the degree and nature of interpreter's own or someone else's erroneous understanding allows him or her to formulate the tasks of commenting in a new way. Developing Levin's system, the author of the article suggests two types of misunderstanding, which correspond to certain forms of commenting. Firstly, this is a pun misunderstanding — a special kind of factual errors that occur when a word or thing is transferred to a different (modern) context. An example of eliminating this kind of error in interpretation of Chekhov's story *Thick and Thin* with the help of "total commentary" allows to offer a fundamentally different approach to the genre nature of the text and the main event of it: the story turns out to be a novella, and its main event is an incredible incident, possible only with the direct intervention of the supreme power. Second type of misunderstanding is a semantic ellipsis, which is the omission of some thing or its deliberately careless mention as unimportant, although filling of such a gap can change the perception of the text. The examples of Chekhov's stories *Trouble* and *Student* demonstrate how useful may be attention to seemingly very small and even *superfluous* details.

Keywords: theory of commenting, typology of misunderstanding of a literary text, the idea of *total commentary*, prose by Anton Chekhov.

References

- Бугаева 1998 — Bugaeva S. Education and educational qualification in Russian law of the 19th century. In: *Problemy istorii Rossii. Vyp. 2: Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv.* Ekaterinburg: Volot Publ., 1998. P. 79–94. (In Russian)
- Гаспаров 2004 — Gasparov M. L. Yu. M. Lotman and the problems of commenting. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004, (2 (66)): 70–74. (In Russian)
- Зайончковский 1978 — Zajonchkovskij P. A. *The government apparatus of autocratic Russia*. Moscow: Mysl' Publ., 1978. (In Russian)
- Зенкин 2004 — Zenkin S. N. Commentary and its counterpart. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004, (2 (66)): 75–81. (In Russian)
- Левин 1998 — Levin Yu. On the typology of text misunderstanding. In: Levin Yu. *Poetika. Semiotika*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. P. 581–593. (In Russian)

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, at St Petersburg State University.

- Лисина 2006 — Lisina L. A. *Literary text as an object of linguo-historical commentary (based on the works of I. S. Turgenev)*. Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences. Vladivostok, 2006. (In Russian)
- Лихачев 1964 — Lihachev D. S. *Textology: a short essay*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. (In Russian)
- Мелетинский 1990 — Meletinskij E. M. *Historical poetics of the novel*. Moscow: Nauka Publ., 1990. (In Russian)
- Михайлик 2004 — Mihajlik E. Change of address. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004, (2 (66)): 91–102. (In Russian)
- Степанов 2017а — Stepanov A. D. “Sleeping Beauty” today: on the question of the boundaries of intertextual and mythological approaches. *Die Welt der Slaven*. 2017, Bd. 62 (2): 304–318. (In Russian)
- Степанов 2017б — Stepanov A. D. The problem of “agrammatism” in poetry and prose. In: *Intertekstual'nyj analiz: principy i granicy*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 2017. P. 11–25. (In Russian)
- Степанов 2019 — Stepanov A. D. Chekhov and Barantsevich: on the issue of intertext criteria. *Russkaia literatura*. 2019, (2): 97–103. (In Russian)
- Степанов 2021 — Stepanov A. D. A. P. Chekhov and painting: from realism to (pre)impressionism. *Russkaya literatura*. 2021, (1): 200–206. (In Russian)
- Степанова 2022 — Stepanova A. S. Research and commentary: based on the materials of publications about “Drama on the Hunt” by A. P. Chekhov. In: *Mir issledovatel'ia: Z. S. Papernyj, A. P. Chudakov: conference materials, 2019*. Odessa: M. M. (sci. ed.). Moscow: RGGU Publ., 2022. P. 222–239. (In Russian)
- Червинский 2010 — Chervinskij P. P. *Folklore and etymology: Linguo-conceptological aspects of ethnosemantics*. Ternopol: Krok Publ., 2010. (In Russian)
- Чудаков 2005 — Chudakov A. P. On the problem of total commentary on “Eugene Onegin”. In: *Pushkinskii sbornik*. [Loshchilov I., Surat I. (comp.)]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2005. P. 210–237. (In Russian)
- Шмид 1998 — Shmid V. *Prose as poetry. Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avant-garde*. St Petersburg: INAPRESS Publ., 1998. (In Russian)
- Эккерман 1986 — Ekkerman I. P. *Conversations with Goethe in the last years of his life*. Man N. (transl. from German). Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. (In Russian)

Received: April 1, 2022

Accepted: September 12, 2022